

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. Магарил

Российский правящий класс: механизмы вырождения

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Magaril_Tetr_55.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

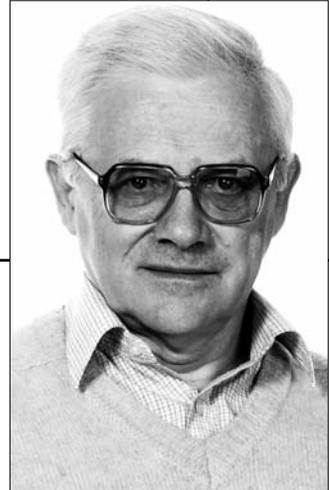
<http://msps.su>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Российский правящий класс: механизмы вырождения

Многие неурядицы российской истории порождает «слишком распущенный аппетит произвола».*

В.О. Ключевский

*Сергей Магарил,
доцент факультета
социологии РГГУ,
кандидат экономических
наук*

Итоги постсоветского двадцатилетия отчетливо фиксируют: авторитарный режим, созданный усилиями властвующих групп в 2000-е годы, не стал авторитаризмом национального развития. Правящий класс России, ядром которого являются рентно-сырьевая олигархия и сомкнувшаяся с ней бюрократия, задачи национального развития, судя по всему, решать не способен. Астрономическая коррупция, масштабный вывоз капитала демонстрируют: свое будущее группы господства видят скорее вне России, но при этом оказывают значительное, если не решающее влияние на принятие важнейших решений. В то же время отечественный опыт XX столетия наглядно продемонстрировал ключевую роль качества государственного управления для благополучия общества. Поэтому стоит разобраться в причинах и механизмах вырождения правящего слоя.

Этапы российской модернизации

Современная Россия — это совокупный результат последовательной реализации элитарных общественно-исторических проектов: реформ Петра I, Александра II и социалистической индустриализации, осуществленной в правление Сталина. Для реализации этих модернизационных проектов были необходимы солидарные усилия высшего эшелона государственной власти: верховного правителя, его ближайшего окружения и назначаемых ими высших функционеров государственного аппарата. Средние

* В.О. Ключевский. *Исторические портреты*. — М.: Правда, 1990. — С. 357.

и нижние слои и звенья государственного аппарата вовлекались в реформы логикой административно-бюрократического подчинения, рутиной функционирования «властной вертикали».

Реалии постсоветской России

Принципиально иные процессы происходят в постсоветской России. В обществе распалось представление о единой исторической судьбе. За ширмой либеральной фразеологии властные элиты цинично расхищают национальное достояние с целью лично-корпоративного обогащения, выдавая его за национальные интересы. К сожалению, в обществе и, прежде всего, в высшем руководстве страны не нашлось сил, способных противостоять подобной политике. В числе причин этого:

- отчетливое понимание противоправности сколоченных состояний, а потому их нелегитимность в глазах населения России;
- опасение возможных в силу этого социальных потрясений по прецеденту начала отечественного XX века;
- опасение лишиться сколоченных состояний в процессе передела собственности;
- глубокое недоверие к конкурирующим кланам в отсутствие независимой и дееспособной судебной системы.

Исследования социологов свидетельствуют: постсоветские «элиты» на две трети состоят из представителей советской номенклатуры второго — третьего эшелонов. По сути, верхние этажи социальной пирамиды заполнило поколение «детей» послевоенной советской бюрократии, ее политические потомки и воспитанники, насаждающие в обществе отношения циничного аморализма.

Экскурс в историю

В правление Петра I, по сути, была сформирована модель отечественной модернизации с ее доминантой государственного насилия. Реформатор был убежден: «Наши люди ни во что сами не пойдут, ежели не приневолены будут». Одна из значимых причин — невежество, вопиющая неграмотность большинства населения России, включая правящий слой.

Выдающиеся реформы Александра II были осуществлены без государственного насилия, поскольку в распоряжении правителя оказались группы либеральной бюрократии, стремившиеся и способные осуществить реформы. Между тем временной разрыв между смертью Николая I и реформами Александра II — всего несколько лет, из чего можно заключить, что основной костяк чиновников-реформаторов сформировался в правление Николая I*.

* Историческая справедливость вынуждает это признать, несмотря на весьма нелестные оценки Николая I многими его современниками. В частности, крайне нелюбимую характеристику императору, методам и результатам его правления дает в своем дневнике Анна Тютчева — фрейлина императорского двора. (А.Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. — М.: Мысль, 1990.)

Общественный запрос на реформы возник после поражения России в Крымской войне (1853—1856), сделавшего очевидной техническую и социально-культурную отсталость России. Однако кадры чиновников-реформаторов к этому времени были подготовлены. Начало было положено еще при Александре I. Характеризуя его образовательную политику, Карамзин писал: «Гнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он (Александр I. — С.М.) употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ». Далее классик, не без иронии, замечает: «К сожалению, видим более убытка казне, нежели выгод для Отечества. Выписали учителей, не приготовив учеников... число их так невелико, что профессеры теряют охоту ходить в классы»*. Однако подспудный образовательный процесс, через десятилетия, дал свои плоды — чиновники-либералы были воспитаны и обучены.

*Верхние этажи социальной пирамиды
заполнило поколение «детей» послевоенной
советской бюрократии, ее политические
потомки и воспитанники, насаждающие
в обществе отношения циничного
аморализма*

Причины угасания реформ, как о том писали современники, — корпоративные интересы высшего слоя придворной аристократии, стремившейся сохранить в своих руках всю полноту единодержавной власти. Промедление с политической реформой привело к возникновению в обществе радикальных групп и убийству (1 марта 1881) императора-освободителя. Неслучайно Ключевский характеризовал Великие реформы как «непростительно запоздалые».

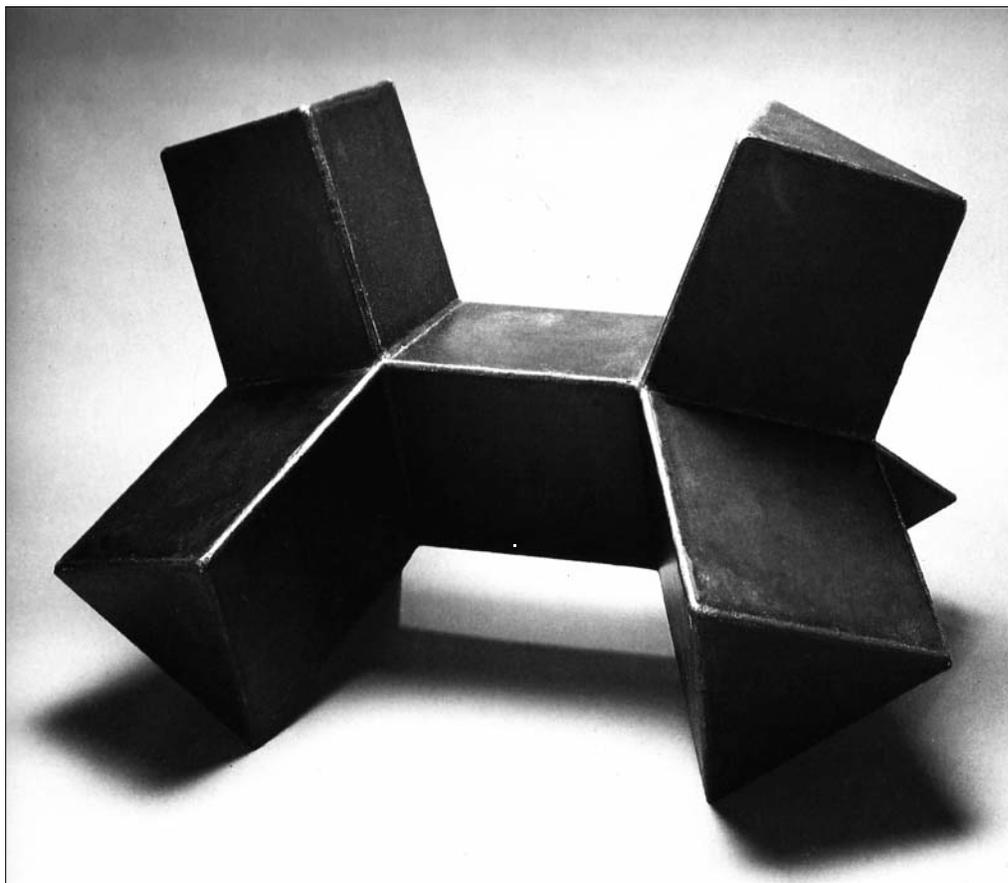
При этом следует обратить внимание на заявление Исполнительного комитета «Народной воли» 10 сентября 1881 года в связи с покушением на президента США Д. Гарфилда. Президент был смертельно ранен Ч. Гито 2 июля того же года, всего три месяца спустя после убийства Александра II**. От имени русских революционеров Исполнительный комитет выразил тогда протест «против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, — говорилось в заявлении, — где свобода личности дает возможность честной идейной борьбе... политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей... Насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия»***.

Последовавшее в результате убийства царя свертывание реформ и консервативно-охранительное «подмораживание» России привели к

* Н.М. Карамзин. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0120.shtml. С. 65—66.

** См.: Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша (1782—2001) с историческим комментарием. Пер. с англ. — М.: Издательский дом «Стратегия», 2001. — С. 249.

*** Научно-просветительский журнал СКЕПСИС. Интернет-ресурс: http://scepsis.ru/library/id_744.html

Тони Смит. Трон. 1963

постепенному вырождению административно-управленческого аппарата империи, не сумевшего справиться с масштабными историческими вызовами начала XX века.

Советский этап

Советский режим с целью самовоспроизводства создал систему административно-политических назначений на руководящие должности, что привело к образованию правящего слоя партийно-государственной бюрократии — «номенклатуры». Только заявив о своей лояльности режиму в качестве члена монополично правившей Коммунистической партии, советский человек получал шанс сделать административную или профессиональную карьеру.

Для своего комфортного существования «номенклатура» создала разветвленную систему экономического и социально-бытового обслуживания, изолированную от остального населения: особый порядок обеспечения жильем; щедрые денежные доплаты; отдельную систему медицинского и санаторно-курортного обслуживания; закрытые для простых граждан ателье по пошиву одежды и обуви; такие же товаро-

распределители импортного торгового дефицита; специальные цеха по производству продуктов питания и т. п.*.

В довоенный период основная когорта «назначенцев» на хозяйственные и политические должности — лояльные к власти выходцы из массовых слоев послереволюционной России. Обладая минимальной культурой, они были неспособны управлять огромной многоукладной страной. При этом советская бюрократия и сама жила с постоянным страхом оказаться неуютной и подвергнуться репрессиям. Но при всех чудовищных социальных издержках во главе с таким партийно-государственным аппаратом народ России совершил индустриализацию, победил в Великой Отечественной войне, осуществил послевоенное восстановление.

Эйфория, порожденная реальными достижениями страны в послевоенный период — авиация, атомная энергетика, военное машиностроение, начало масштабного жилищного строительства, прорыв в космос, — обусловила выдвижение политическим руководством СССР в 1961 году очередной социальной утопии — программы построения коммунизма к 1980 году.

В период 1950–1960-х годов и раньше социологические опросы не проводились, и потому сложно судить о подлинных масштабах поддержки советским административно-политическим аппаратом планов высшего руководства СССР. Однако можно предположить, что в обстановке послевоенного энтузиазма определенная часть партийно-государственной бюрократии, на какое-то время, могла вполне искренне включиться в осуществление планов строительства коммунизма, а не воспринимать их заведомо как очередной идеологический мираж для трудящихся масс. Утопические по своей природе, это были тем не менее планы национального развития.

Механизмы вырождения советской номенклатуры

«Золотой век» советской номенклатуры пришелся на 19-летнее правление генсека ЦК КПСС Л. Брежнева (1964–1983). Смерть Сталина развязала руки партийно-государственной бюрократии, позволила ей обезопасить себя, поставив репрессивные органы под свой контроль. Но, остановив конвейер репрессий, правители СССР тем самым остановили и механизм ротации элит. В отсутствие реальных выборов репрессии, помимо устрашения, являлись уродливым, «азиатским» способом обновления советского правящего класса, отбора

* Установленный в 1921 году «партмаксимум» по оплате партийной бюрократии — зарплата ответственных работников не должна была выходить за рамки «вилки» в 100–150% от уровня средней зарплаты в их учреждениях и на предприятиях — уже в конце 20-х в глубокой тайне был отменен. Официально «партмаксимум» был ликвидирован секретным постановлением Политбюро ВКП(б) 8 февраля 1932 года. О самом существовании «партмаксимума» умалчивалось во всех сталинских и постсталинских учебниках по истории партии. После отмены «партмаксимума» началось радикальное расслоение советского общества. Один за другим — в соответствии с их значением для советского режима — выделялись привилегированные слои.

Исаму Ногучи. Семя. 1946

наиболее профпригодных его функционеров. И потому закономерно, что высшие органы руководства СССР — политбюро и ЦК КПСС — со временем превратились в «клуб геронтократов»*. Отстранив от власти в 1964 году Хрущева, партийно-государственная бюрократия осознала себя полновластной хозяйкой страны, получив все необходимое для комфортного существования и пока еще скрытного обогащения.

По-видимому, к концу 1970-х годов окончательно сложилась та система социально-властных отношений, что годы спустя обнаружила себя «бриллиантовым» делом Галины Брежневой; многомиллионным

* В конце 1980-х годов именно это обстоятельство позволило М. Горбачеву отправить на пенсию одновременно десятки членов ЦК КПСС.

узбекским «хлопковым» делом, нити которого вели на самый верх советской партийно-государственной пирамиды; судом над директором московского элитного гастронома «Елисейевский», обвиненного в незаконном обогащении; самоубийством министра МВД Щелокова... И это лишь то небольшое, что стало достоянием публичности, о чем было дозволено узнать населению СССР.

Традиционно «номенклатура» была информирована о реальном положении страны несравненно лучше массовых слоев общества. Для нее утопичность коммунистических миражей стала очевидна раньше рядовых граждан, что фактически и привело по умолчанию к ее циничному отказу от политики национального развития.

Однако с второй половины 1970-х годов и у рядового

населения страны планы построения коммунизма не вызывали ничего, кроме иронии, насмешек и анекдотов. По сути, в массовом сознании, вместе с утратой веры в коммунизм как образ светлого, достойного общенационального будущего, происходил распад социалистических идеалов — важнейших интеграторов советского общества. После чего распад СССР оказался лишь делом времени.

Советская правящая бюрократия самоустранилась от ответственности за развитие общества и состояние государства, о чем свидетельствует крушение СССР. Тем не менее она сохранила механизмы удержания власти, свое обособленное от народа существование, свои сословные привилегии. Власть без ответственности перед обществом за результаты своего властвования — это и есть социальный механизм вырождения правящего класса. Как советское, так и постсоветское атомизированное общество, с раздавленными диктатурой классами и социальными связями, оказалось неспособно создать механизмы политической, а потом и правовой ответственности правящих групп. Эпоха строительства коммунизма, начатая под лозунгом «Грабь — награбленное», закономерно завершилась масштабным ограблением самих строителей коммунизма.

*Эпоха строительства коммунизма,
начатая под лозунгом
«Грабь — награбленное», закономерно
завершилась масштабным ограблением
самых строителей коммунизма*

Очередное повторение пройденного

Вырождение правящего класса, явление для России не новое, происходило не единожды. Всякий раз, когда из жизни уходил всевластный самодержец, правящий класс, включая высших сановников, предавал забвению державные интересы и алчно приступал к разделу национального достояния, что приводило к деградации государства, а то и ставило его на грань катастрофы.

Так боярская знать, не сумев предотвратить «Великую смуту» XVII века, предала российскую государственность. Ядром национального спасения стал тогда «средний класс» средневековой Руси: купечество, дворяне, посадский люд, священнослужители.

Позднее «благородное дворянство», освобожденное от обязательной государственной службы, сохранило за собой «права» на безвозмездный труд крепостных. Деграция этого правящего класса Российской империи закономерно привела к тому, что ходом исторических событий он был сметен, а империя рухнула.

Отечественная история конца XX — начала XXI века демонстрирует те же закономерности. Политически аморфное население традиционно неспособно контролировать бюрократию. И правящий класс вновь, как и во времена средневековой Московии, кинулся обогащаться, расхищая национальное достояние. Для российских властных структур политика национального развития, или, по словам Е. Гайдара, «государственный ренессанс», невозможна социально-психологически. Такой курс «невыгоден для капитализирующейся номенклатуры». Характеризуя номенклатурную приватизацию, автор отмечает сказочное обогащение «номенклатуры за счет разграбления госсобственности»*.

... Печальная картина. Неужели и в XXI веке Россия обречена повторить ошибки предшествующих столетий, двигаясь все по той же, исторически тупиковой, авторитарной колее?

В России пока отсутствуют эффективные механизмы согласования разнонаправленных интересов больших социальных групп в ходе политико-правового/партийно-политического процесса формирования законодательства. На Западе эти механизмы давно и эффективно работают. Создав политические партии и добиваясь на этой основе избрания в парламент своих представителей, массовые слои имеют возможность влиять на формирование законов. Продвигая в законодательство свои законные интересы, граждане тем самым реализуют эти интересы, вынуждая правительство следовать принятому закону. На страже исполнения законов стоит независимая правоохранительная система. Неэффективное правительство может быть отправлено в отставку, в случае утраты доверия парламента. Либо правящая партия в целом теряет мандат доверия, если проигрывает парламентские выборы.

России еще предстоит освоить современную политическую культуру демократии. И основная тяжесть инновационно-демократической модернизации, так же как и основная ответственность за историческую судьбу России, неизбежно ложатся на ее образованные группы, на интеллектуалов России.

Не просвещая и не воспитав элиту, адекватную масштабу и остроте российских проблем, трудно надеяться, что «политику» лично-корпоративного обогащения сменит политика национального развития.

* Е. Гайдар. *Государство и эволюция // Власть и собственность*. — СПб.: Норма, 2009. — С. 278, 292, 302.